

Иван Панаев

**Благонамереннейший
господин**

Иван Иванович Панаев

**Благонамереннейший
господин**

(Очерки из петербургской жизни)

«Представляю читателю кое-какие наблюдения, сделанные мною в последнее время. Из этих наблюдений в моей фантазии составилась очерк целого лица... Лицо это, впрочем, не новое. Таких лиц много не в одном Петербурге. Лица эти, вообще довольно неподвижные и бесцветные, пришли в движение, приняли особенный колорит и заговорили громко только в последнее время, вследствие некоторых обстоятельств, потревоживших их блаженное существование...»

**Иван Иванович Панаев
Благонамереннейший
господин**

Представляю читателю кое-какие наблюдения, сделанные мною в последнее время. Из этих наблюдений в моей фантазии составилась очерк целого лица... Лицо это, впрочем, не новое. Таких лиц много не в одном Петербурге. Лица эти, вообще довольно неподвижные и бесцветные, пришли в движение, приняли особенный колорит и заговорили громко только в последнее время, вследствие некоторых обстоятельств, потревоживших их блаженное существование... Я не дам никакого имени моему воображаемому лицу. Пусть каждый из читателей дает ему имя того из своих знакомых, который по характеру, образу воззрения, привычкам и разговорам будет подходить к нему. Его даже можно бы, пожалуй, назвать героем, но только никак не героем нашего времени, потому что он с ужасным ожесточением, почти с пеной у рта, нападает на наше время и вообще на так называемый дух времени, говоря, что этот дух выдуман выскочками, мальчишками, либералами, людьми зловредными, нахватавшимися без-

нравственных идей...

Для большей ясности я должен прежде всего познакомить вас с биографией моего воображаемого лица, или, говоря вернее, с его послужным списком... От роду ему шестьдесят три года, он из дворян, служил сначала в военной службе, в сражениях не был, из полка переведен в комиссариатское ведомство, дослужился до генеральского чина, родового имени – ни одной души, благоприобретенных – тысячу пятьсот; два года перед сим уволен по прошению от службы... Наружность его очень обыкновенная, такого рода господ встречаешь у нас сплошь и рядом: рост средний, сложение тучное, лицо полное и круглое, глазки маленькие и заплывшие, зеленоватого цвета, нос плоский, губы толстые – признак доброты, волосы белокурые с проседью, небольшая лысина; голос резкий, манеры величественные, совершенно генеральские... Он пользуется большою любовью, как своих знакомых, так и сослуживцев, которые считают его прекраснейшим, добрейшим и благонамереннейшим господином... Вследствие этого и я буду также звать его благона-

мереннейшим господином...

Но чтобы читатель не заподозрил меня в личности и не подумал, что такой формулярный список действительно существует, я покорнейше прошу его придать моему лицу какую угодно физиономию... Он легко может быть пожилым господином, с прекрасным орлиным носом, или сладеньким старичком с накрашенными бровями и бакенбардами, в завитом паричке и с неизмеримым лбом... для меня это совершенно все равно, внешняя оболочка ничего не значит, дело в сущности. Он может вместо благоприобретенных 1500 душ иметь родовых – 300, 500, 600, сколько угодно, более или менее... И я вовсе не поставлю непременно условием, чтобы он был на службе в комиссариате и за два года перед сим был уволенным по прошению от службы... Дело не в этом. Оговорившись, я спокойнее продолжаю: Мой благонамереннейший господин получил воспитание в корпусе... в каком, это для читателя все равно... учился он, собственно, не для приобретения знаний, а для того, чтобы поскорей выскочить в офицеры. Вышел он в армию, но вскоре переве-

ден в гвардию, не столько за усердие к службе, сколько за величайшую способность угождать начальству, за строгую подчиненность и примерную нравственность. Нравственность эта заключалась в неумолимой строгости относительно подведомственных ему лиц, в раболепной мягкости относительно тех, от которых он зависел, в аккуратности и в безусловном поклонении всем служебным и общественным преданиям. Благонамереннейший господин не рассуждал сам и не позволял рассуждать другим. Никогда ни малейшая мысль не тревожила его головы, и никогда ни малейшее сомнение не колебало его. Сомнение в чем бы то ни было он почитал делом безнравственным и преклонялся перед каждым фактом, как бы этот факт ни был несправедлив, если только он опирался на предания. В капитанском чине он был переведен в комиссариатское ведомство и, действуя на основании предания, не противореча ни в чем принятым обычаям, легко приобрел себе ордена, чины, души, любовь и уважение своих сослуживцев, своего семейства (ибо он богател с каждым годом) и своих со-

членов по клубу (ибо играл по большой).

После службы и хозяйственных распоряжений главным его занятием были карты. Читением он не занимался, говорил вообще мало, но иногда одушевлялся, когда разговор касался нравственности или патриотизма... В таких случаях он обыкновенно бил себя в грудь, ударял кулаком по столу и восклицал коротко и ясно: «Тот, кто не патриот, тот просто никуда не годный человек!»...Свои хозяйственные дела он вел примерно и с каждым годом делал какие-нибудь улучшения в своем благоприобретенном имении: выстраивал новый флигель, или баню в готическом вкусе, увеличивал сад, украшал храм божий и тому подобное. Семейство его, состоявшее из жены и двух дочерей, летом всегда проживало в деревне; сам же он приезжал туда на короткое время, потому что служебные обязанности не позволяли ему оставаться долго в деревне.

В часы отдохновения от карт и службы любил он иногда поговорить о своих дворянских достоинствах и преимуществах и не скрывал своего отвращения к другим классам, не признавая ничего общего между дворянином и

человеком просто... В человеке не благородном (благородные, по его мнению, были только дворяне) он не признавал ни возвышенного ума, ни замечательных способностей, ни чувства чести, и однажды, когда при нем один престарелый дворянин-стихотворец задал глубокомысленный вопрос: «Почему в наше время не пишут хороших стихов?..», а другой дворянин, из молодых, шутя отвечал: «Оттого, я полагаю, что нынче больше пишут не дворяне», – то мой благонамереннейший герой, несмотря на то, что вовсе не интересовался поэзией, пришел в такой восторг от этого ответа, что обнял отвечавшего, расцеловал его и воскликнул: «Дельно и правда!» В другой раз, когда кто-то сказал ему, что один профессор на лекции объявил, что дворяне отличаются от простых людей тем, что рождаются с белой костью, – герой мой обнаружил желание познакомиться с этим профессором, несмотря на то, что не питал большого уважения к этому званию...

Да не подумает дворянин-читатель, что я подсмеиваюсь над чувствами дворянского достоинства. Сохрани меня боже от такой пре-

ступной мысли!.. Я был бы в отчаянии, если бы кто-нибудь вздумал заподозрить меня в том, что я не принадлежу к этому почтенному и привилегированному сословию... Но я искренно желал бы для собственной пользы этого, так сказать, передового сословия, чтобы оно поглубже понимало свои обязанности, свой долг и умело бы возбуждать уважение к себе в других сословиях исполнением этого долга, принося вовремя некоторые личные жертвы в пользу общего... «Noblesse oblige».

Но оставим это лирическое отступление и будем продолжать рассказ.

Мой благонамереннейший господин слыл образцовым хозяином, потому что умел извлекать всевозможные выгоды из своих крестьян и при этом свои сады и парки, устроенные домашними средствами, содержал в примерном благолепии и услаждавшей глаз чистоте... Я сам восхищался этими садами и парками, китайскими беседками и мостиками, готической баней и прекраснейшим домом с бельведером, на котором торжественно развевался флаг с гербом... Внутри дома – порядок и чистота повергали в изумление... нигде

ни пылинки; пол как будто языком вылизан, с каким-то янтарным отливом; все подведено под лак и расставлено под аранжир, или симметрически. Военная дисциплина отражалась на всем... Городская квартира его отличалась такою же чистотою, симметричностью и дисциплиной... Все постановлено было в струнку, и все ходило по струнке...

Безмятежно протекала жизнь благонамереннейшего из людей, среди этой внешней чистоты, благоустройства и порядка... в той почетной и покойной колее, попасть в которую все так добиваются и в которой жизнь движется как будто по маслу: состояние невидимо расширяется, а грудь через каждые два года украшается новым отличием... «Слава богу! – думал мой благонамереннейший господин, – я почти уже совершил на земле назначение дворянина: достиг генеральского чина, украсил грудь отличиями, приобрел трудами большое состояние и оставлю его детям в благоустройстве и порядке; надеюсь, что им будет чем помянуть меня!.. Хоть сию минуту готов предстать на суд всевышнего!..» И он продолжал с душевным спокойствием и

самодовольствием, резко проявившемся на его привлекательном лице, заплывшем от счастья, ежедневно ездить по утрам на службу. Возвратившись со службы, плотно покушав и выкурив трубочку Жукова (его превосходительство был во всем раб привычки и Жуков предпочитал всякому другому табаку), он ложился соснуть часок-другой, а потом, подкрепившись сном, отправлялся в клуб... И думал мой благонамереннейший господин проводить такой регулярный, благонамеренный и ничем не возмутимый образ жизни до той минуты, когда положат его превосходительство на стол и накроют богатой парчою, а вокруг уставят табуреты с знаками отличия... Ему и в голову не приходило, что условия жизни изменяются, что жизнь движется и обновляется, что законы ее совершенствуются, что предания вместе с людьми дряхлеют и наконец разрушаются, что дурные привычки (как, например, привычка наживаться на службе и тому подобное) не всегда остаются безнаказанными... Но, как гроза разражается иногда над головою незаметно, в тихий и душный летний день, так его превосходитель-

тельство был поражен, внезапно, посягательством на его служебные привычки, которые он от долговременного употребления почитал почти законными, хотя, между нами сказать, они были совсем незаконны.

Смущенный увольнением от службы по прошению, благонамереннейший господин, в самом недовольном и мрачном расположении духа, отправился с семейством в деревню. Он беспрестанно повторял: «Вот служил, служил, здоровье потерял, зрение ослабло на службе, а что выслужил?.. Только что могу прокормиться с семейством... вот и всё... Нет, у нас правдой ничего не наживешь на службе!» Эту последнюю фразу он повторил еще задолго до остроумной комедии г. Львова... Замечательные умы сходятся, говорит французская пословица... Несмотря, однако, на жалобы о расстройстве здоровья, благонамереннейший господин спал и кушал отлично и раз, в сумерках, несмотря на слабость зрения, заметил издалека, на дворе, две фигуры, очень нежно разговаривавшие между собою, и тотчас узнал в одной из них своего дворового человека Алексашку, а в другой дворовую

девушку Аксютку, за что первый немедленно был им сослан в отдаленную деревню, а последняя удалена на скотный двор – за оскорбление общественной нравственности.

Но в деревне благонамереннейший господин не мог прожить более полугода... Ничего нет ужаснее, как изменять свои привычки в преклонные лета!.. Его так и тянуло в Петербург: существование его было не полно без клуба...

Он возвратился в Петербург и чуть не заплакал от радости, увидев Демидов переулочек!..

Прошло несколько недель, но, несмотря на клуб, он и в Петербурге начинал ощущать какую-то неловкость... Ему не доставало чего-то... Он не знал, что делать с собою по утрам... даже Жуков не развлекал его... Его просто томила тоска по служебной деятельности.

Приглядываясь к Петербургу, он начал с некоторым неприятным удивлением замечать, что Петербург совсем изменился: особенно его смущали офицеры в фуражках и юнкера на извозчиках, и он печально пока-

чивал головой, вздыхая о прошедшем. В обществе попадался ему иногда какой-нибудь молодой человек, на вид не больше как коллежский асессор, не имеющий ничего особенного в физиономии, просто внимания не стоящий, и он действительно не удостоивал его внимания, – а вдруг ему говорят, что этот молодой человек занимает генеральское, директорское место...

– За кого же вы меня принимаете, чтобы я поверил этому? – восклицал благонамереннейший господин, – директор, у которого еще молоко на губах не обсохло?.. Это забавно!

Но когда он действительно убедился в том, что господин, имеющий вид коллежского асессора, – генерал, тяжелый вздох вырвался из груди его вместе со словами: «Господи! до чего мы дожили!»

– Впрочем, – произнес он после минуты глубокомысленного молчания, – если это какой-нибудь князь или граф, то тут нет ничего мудреного...

Ему отвечали, что это не князь и не граф, а человек вовсе даже не имеющий протекции, но обративший на себя внимание своим

умом, способностями, сведениями и поэтому быстро вышедший вперед.

Благонамереннейший человек грустно улыбнулся.

– Прекрасно! прекрасно! – возразил он, – положим даже, что он гений, с неба звезды хватает, да у него никакой опытности нет. Может ли же он быть директором, – тут, я вам скажу, все дело в опытности.

– А вот, ваше превосходительство, – замечают благонамереннейшему господину, – слышно, что места будут давать по способностям, а не за выслугу лет... Тогда, ваше превосходительство, еще более покажется молодых людей на почетных и видных местах.

При этом все жилки на лице благонамереннейшего господина посинели, и во всем лице его обнаружилось на минуту судорожное движение: он, впрочем, подавил в себе внутреннее раздражение и захохотал, но неудержимый гнев вырвался невольно в звуках его хохота.

– Ну, что ж, и бесподобно, – воскликнул благонамереннейший господин, – этого только не доставало!.. Наши деды и отцы, видно,

не знали, что делали. Мы умнее их!..

Когда какой-нибудь молодой человек свободно рассуждает о чем-нибудь в обществе в присутствии значительных старцев, – мой благонамереннейший господин смотрит на него иронически и пожимает невольно плечами! Он указывает на него и говорит:

– Уж и этот не генерал ли?

Благонамереннейшего господина раздражает все, совершающееся в настоящую минуту; даже и литература, о существовании которой он знал только по «Северной пчеле». До него доходят слухи, что литература вооружается против взяточничества и разных служебных злоупотреблений, – и он кричит, размахивая руками, с чужого голоса:

– Помилуйте, что это такое! на что это похоже! выставлять только одни гадости, одну грязь?.. это всё сочиняют какие-нибудь безнравственные молокососы, зараженные гнусными западными идеями (хотя о западных идеях он имеет очень смутное понятие, но любит повторять эту фразу), враги отечества, которых следует отдать под строгий полицейский надзор... чего смотрит цензура-то?..

– Но указывать на зло, выставлять зло на позор... – возражают, – в этом нет ничего дурного, ваше превосходительство. Если бы, например, указали по вашему ведомству на злоупотребление, которое было вам вовсе не известно, которое бы скрывали от вас, вы бы изволили, вероятно, прочитав это, принять меры к искоренению этого злоупотребления и были бы за это очень благодарны сочинителю, изобличившему его...

– Это не дело сочинителей указывать на такого рода вещи, – перебивает сухо его превосходительство. – Я не позволил бы никому-нибудь сочинителю учить меня и вмешиваться в мое управление...

– Но, ваше превосходительство, нельзя же совершенно идти против духа времени, – почтительно возражают ему.

– Вот еще выдумали какой-то дух времени! – перебивает благонамереннейший господин, разгорячаясь все более и более, – а вот заткнуть им глотку, так они и узнают, что такое дух времени...

Всякая мера усовершенствования, улучшения, изменения и нововведения кажется бла-

гонамереннейшему господину гибелью... При каждом слухе о таковой мере он сердится, поднимает крик, ударяет кулаком по столу, не находя более убедительных выражений, и даже топает ногами. Семейство не узнает его в последнее время: из человека сговорчивого, весьма довольного собою и даже кроткого он превратился чуть не в зверя: ни жена, ни дочери, ни прислуга ничем угодить ему не могут.

– Что это, милый папа, с вами? Вы такой нынче сердитый и скучный, – говорит ему его любимица меньшая дочь, целуя его в лоб.

– Ах, матушка! – восклицает благонамереннейший господин, – оставь меня, пожалуйста, в покое! – И потом, осматривая ее неблагоклонно с ног до головы, прибавляет: – Ты думаешь, что это хорошо, что вы обручи-то нынче вздумали подкладывать под платья?.. Это гадко, безобразно, и чего это стоит? Ведь это разорение!.. Ты думаешь, что у отца много денег? Да! как же!.. Что скопил служебными трудами и экономией, то теперь и проживай на ваши карнолины!.. (Его превосходительство никак не может произнести крино-

лин). Вы отца не пожалеете, только пищите: «Денег надо!» – а откуда отцу взять денег?.. Знаешь ли ты, что теперь стоит жить в Петербурге-то? Знаешь ли?.. За все платишь втрое, вчетверо против прежнего... Пришла конечная гибель и разорение!.. А вы еще с вашими карнолинами...

Избалованная дочка бежит в слезах жаловаться маменьке на папеньку, а папенька вымещает гнев свой на прислуге.

Раздается резкий барский свист.

Является лакей.

– Бриться! – кричит благонамереннейший господин.

– Готово, ваше превосходительство, – через минуту докладывает лакей.

Его превосходительство садится за туалетный стол и вдруг вскакивает...

– Что это такое! – восклицает он на весь дом, – Алексашка! поди сюда!.. что это?.. Смотри!.. Куда ты поставил бритвенницу? Ты двадцать пять лет служишь мне, чучело, а не знаешь того, что бритвенницу надо ставить на правую, а не на левую сторону... а? ты этого не знаешь? ты не знаешь, болван, до сих

пор мои привычки; не знаешь того, что я сорок пять лет бреюсь и сорок пять лет мне ставят бритвенницу на правую сторону, а полотенце кладут на левую?! Что у тебя в голове-то? Смотри у меня! Я ведь дурь-то у тебя выбью из головы!..

Является мальчик, одетый казачком, только три месяца перед этим привезенный из деревни.

– Генеральша спрашивает, – говорит он, – поедете ли вы сегодня утром...

Благонамереннейший господин грозно смотрит на казачка.

– Сколько раз я твердил тебе, – говорит он казачку, – чтобы ты не смотрел исподлобья, сколько раз? Ты не можешь мне прямо в глаза смотреть? Экой дрянной мальчишка!.. Я тебя научу смотреть мне прямо в глаза, погоди ты у меня! Все вы, каналы, из рук выбились!.. Пошел вон... Скажи генеральше, что я никуда не еду... И куда мне ехать?.. Зачем мне ехать?..

– Что это за народец нынче (говорит благонамереннейший господин своему приятелю), – сил недостает справляться с ними! Вы-

писал я из деревни мальчика, привезли его, велел я его позвать в переднюю, чтобы посмотреть; выхожу, смотрю... Не понравился мне, смотрит эдакой букой, исподлобья, грязный, нечесаный... велел я его обмыть, выстричь, вычесать; одели его потом в казакинчик, – ну принял, кажется, человеческий образ, а все смотрит исподлобья... и веришь ли, до сих пор не могу приучить его смотреть мне прямо в глаза... какие меры ни принимал, ничего не помогает. А уж в том не бывать проку, кто смотрит исподлобья! Я это заметил... Задал я ему должность, кажется, не велика: топить печку в маленькой гостиной моей да прибирать ее. Там, ты знаешь, у меня на мебели... дочери вышили по канве... цветы и птицы... На одном стуле – птицы, а на другом – цветы. Вот я и говорю ему: «Смотри, когда будешь убирать, ставь стулья так, чтобы цветы были с цветами, а птицы с птицами... слышишь?..» Что ж бы вы думали?.. ничего не бывало; вечно, каналья, перемешает: цветы рядом с птицами, а птицы с цветами поставит... Извольте с эдаким народцем возиться: четырнадцатилетнему мальчишке в голову ничего

вбить нельзя!.. И ведь не потому, чтобы он не понимал, – нет, просто потому, что не хочет, нет усердия, желанья угодить барину, чувства нет... Я ведь помню, как прежде люди служили – только и думали о том, чтобы сделать барину что-нибудь угодное, смотрели ему в глаза, чтобы предупредить его желание... а нынче – это ни на что не похоже... За-немог у меня на прошедшей неделе камердинер, другие люди все своим делом заняты, я не хотел их отвлекать от дела, и призываю этого мальчишку... «Покуда, я говорю, Алексашка болен, ты будешь исправлять должность моего камердинера», – и смотрю, какое это на него впечатление произведет... Что же? стоит как пень, насупившись и уткнул глаза в пол, никакого выражения в лице, точно как будто я сказал ему: «Принеси стакан воды», – и не чувствует той милости, которую делает ему барин, допуская так близко к себе, а ведь три месяца назад он свиной пас в деревне!.. Нет, любезнейший друг, в плохие времена живем мы!..

И благонамереннейший господин в заключение, качая головою, испускает глубокий

вздых.

Но его превосходительство несправедливо: виноваты не казачок, не прислуга его, которую он десять лет тому назад был очень доволен и которая служит ему с прежним усердием, – всему причиною внутреннее настроение духа его превосходительства; недовольство тем, что с ходом времени совершаются различные перемены и преобразования, которые ему не нравятся... Фуражки, юнкера на извозчиках, молодые генералы, литература, изобличающая взяточников, – все это мешает ему жить... Он, кажется, готов бы, если можно, с бешенством броситься на время, схватить его за шиворот, как подчиненного, и остановить. Ему бы хотелось, чтобы это неудержимое, бог знает для чего, так быстро бегущее время – всеоживляющее и всеобновляющее... замерло и окоченело в том положении, в каком оно было несколько лет назад тому, – в те дни, когда перед ним вытягивались в струнку писаря, курьеры и чиновники; когда все было шито и крыто; когда он чувствовал свою силу, ощущал, что он не просто генерал в отставке, на которого никто не об-

ращает внимания, а особа, приводящая в трепет и замирание несколько десятков людей!

О! если его превосходительство и несправедлив к настоящему времени... не сердитесь на него за это, лучше пожалейте его!.. Не раздражайте его вашими литературными выходками! Хорошо еще, что он не читает ничего, но ведь ему могут прочесть добрые приятели... Оговорка, что такого лица нет в действительности, нисколько не помогает... подобным оговоркам никто верить не хочет. В вашей фантазии, в вымышленном вами лице... непременно тысячи лиц узнают своих приятелей... «Списан как живой! Все его слова, все выражения, просто вылитый!» – начнут кричать эти господа и развезут по городу приятную новость, что Александр Петрович или Григорий Иваныч выставлен в такой-то книжке такого-то журнала... И кончится тем, что даже сам Александр Петрович, нисколько не похожий на выставленное лицо, поверит, что его списали, хотя ни он сочинителя, ни его сочинитель отроду никогда не видывал!..

В этих случаях надобно быть чрезвычайно осторожным. Очень легко можно совсем све-

сти с ума человека, уверив, что его описали... Не шутите с этим; говорят, бывали и такие примеры!..

Но как бы то ни было, дело сделано – и я продолжаю...

Недовольство настоящим моего благонамереннейшего лица возрастало с каждым днем и наконец достигло крайних пределов при одной из последних улучшительных мер, задевшей его за живое.

Когда только носился об этом слух, он не хотел верить и затыкал уши...

– Перестаньте, перестаньте!.. – говорил он, – вздор!.. этого быть не может!.. Я и слушать не хочу...

Когда же слух осуществился и сомневаться уже было невозможно, – в первую минуту он остолбенел и неподвижно простоял несколько времени, как-то дико вытаращив глаза. Вся кровь вдруг прилила к его темени, и лицо приняло жаркий, пурпуровый колорит, который на картине бы показался невозможным... Минута – и может быть, – смертельный удар был бы неизбежен, если бы не случайно находившийся тут доктор... Доктор бросился

на него с ланцетом и пустил кровь.

После трех чашек густой, черной, запекшейся крови благонамереннейший господин отошел и посмотрел кругом более мягким взором, произнеся:

– Боже мой, боже мой!.. Что же это наконец?.. Ночь он, однако, провел довольно покойно.

Но на следующее утро снова пришел в состояние неслыханного раздражения, ударял кулаком по столу и произносил совсем нескладные и отрывистые речи, обращаясь к жене и дочерям:

– Теперь, матушка, кончено!.. Все прихоти выбить из головы... я не знаю, что будет... может, есть нечего будет... очень легко!.. Надо ко всему приготовиться... вот живешь, живешь и доживешь до эдакого... Теперь карнолины – мое почтение... Ситцевое платье – попросту, без затей – вот и все!

Несколько дней после этого благонамереннейший господин даже не ездил в клуб и не играл в карты...

Он заперся в своем кабинете.

Из этого кабинета раздавались иногда вос-

клицании, знакомые удары кулаком по столу, шаги и говор. Но никто не смел войти туда. Благонамереннейший господин выходил оттуда только к завтраку и к обеду... Кушал довольно аппетитно, но вел себя странно: был задумчив, говорил вообще мало, а если и говорил, то нескладно и не обращаясь ни к кому.

– Вот теперь кулебяка с сигом... майонезы... фрикасе разные... а там что?.. зубы на полку... щи... каша. И за что? Вот сорок лет и служи отечеству...

Генеральша с боязливым участием взглядывала на генерала.

– Что такое, друг мой? – решалась замечать она, – что ты говоришь?.. И отчего ты такой странный, голубчик?

– Ничего... я ничего... Что такое? – перебивал он вздрагивая, – тсс!.. тсс!.. – и он начинал делать супруге многозначительные знаки глазами, указывая на казачка и на людей, служивших за столом.

При выходе из-за стола он наклонился к уху супруги и шептал:

– Ах, какая ты неосторожная!.. как это мож-

но!.. при людях!..

Проходя мимо казачка, его превосходительство пристально взглядывал на него и потом шепотом говорил дочери:

– Ты заметила, как он на меня смотрит?..
Еще диче прежнего... это я понимаю, что такое...

Такое поведение благонамереннейшего господина и такие странные речи не могли испугать его семейства. Супруга и дочери его передали все это домашнему доктору.

Доктор улыбнулся и сказал:

– Это ничего, – пройдет... Я знаю, что всякое новое положение, всякая перемена, покуда он с нею не освоится, действует на него тяжело... У него мало восприимчивости в натуре. Ему надо рассеяние; я посоветую ему...

Доктор вошел в его кабинет. Благонамереннейший господин сидел у своего письменного стола, опустив печально голову, с безнадежным выражением в лице.

– Ну, что, ваше превосходительство, как ваше здоровье?.. как, идут ваши клубные дела... Хорошо?..

Доктор произнес это веселым и фамильяр-

НЫМ ТОНОМ, ПОТОМУ ЧТО ОН САМ БЫЛ ГЕНЕРАЛ.

– Ааа! – воскликнул благонамереннейший господин, услышав голос доктора, – здравствуйте, почтеннейший Ардальон Петрович!.. Ну что, батюшка?! до чего мы дожили! – прибавил он печально и после минуты молчания продолжал: – Клубные дела!.. Какие теперь клубные дела!.. Нет, вы лучше подумайте об этом: ведь у меня в деревне сад, парк, дом – все это содержалось в исправности, в порядке, собственными средствами... Чего это мне стоило?.. Зачем же я убивал деньги на все это?..

– И, полноте! Ну что ж, – возразил доктор, – и вы будете всем этим пользоваться... Вот я к вам когда-нибудь приеду в деревню... Посмотрю, как вы все это там устроили... Я знаю, что вы большой хозяин...

Благонамереннейший господин посмотрел на доктора, как на сумасшедшего, и сказал:

– Что с вами? Полноте? все пропало... Теперь уж все кончено...

– Э, батюшка... ей-богу, все прекрасно обойдется... поверьте... – перебил доктор. – Да что вы дома-то сидите?.. Вам нужно движение,

рассеяние... Поезжайте-ко в клуб сегодня...

Благонамереннейший господин, к удовольствию своего семейства, по собственному побуждению или по совету доктора, вечером поехал в клуб.

При встрече со своими партнерами и друзьями он грустно и значительно пожал им руки и молча покачал головою... Те, в свою очередь, так же печально и молча покачали головами...

– Ах, ах, ах! – вырвалось наконец из груди благонамереннейшего господина.

– Не думали мы дожить до таких времен! – произнес один из друзей его.

– Нет, вот вы посудите... у меня там сад, парк, дом с иголочки... чего это стоило!.. – начал было его превосходительство...

– Сделайте одолжение... нет, уж лучше об этом не говорить... я не могу об этом говорить хладнокровно, – перебил сморщенный и, по видимому, значительный старичок в паричке, с покрашенными бакенбардами, дрожа всем телом, – я запретил об этом говорить и у себя дома, – лучше-ка вот займемся этим...

И он указал на зеленый стол, на котором

уже горели четыре свечи, лежали прекрасно заостренные мелки и колоды отборных карт.

Еще и до сих пор мой благонамереннейший господин, среди обыкновенного разговора, вдруг прерывая его, начинает как будто заговариваться и произносить слова и фразы, не имеющие между собой никакой связи: «дом... жена... служба... парк... дети... я патриот... генерал, вы сами согласитесь... чего это мне стоило... это невозможно сорок два года службы... Что же это?» Но вообще в последнее время он, слава богу, начал говорить несколько посвязнее... На днях, слушая, с каким бешенством он кричал против всех улучшений и нововведений, я подумал:

«Однако можно ли его теперь называть благонамереннейшим господином?.. Это вопрос... В старые годы он называл неблагонамеренными и опасными людей недовольных даже петербургскою погодою и дурно отзывавшихся о петербургском климате... На того, кто изъявлял какое-нибудь неудовольствие, хотя против кислой капусты и квасу, он смотрел уже как на врага отечества; того, кто читал книги и с похвалой отзывался о загранич-

ной жизни, он называл либералом... А теперь... Как время-то подшучивает над людьми и как странно меняет роли!.. Кто бы мог поверить пять лет назад тому, что его превосходительство будет принадлежать к недовольным?.. А по его же собственному определению, недовольные принадлежат к людям неблагонамеренным. Во всяком случае, я ни за что на свете не позволю себе называть этим именем его превосходительство.»

Вчера один мой знакомый сказывал мне, что его превосходительство со всем семейством изволит отправиться за границу... «Я, говорит, там отдохну от всего и, вероятно, останусь надолго...»

– Неужели? – воскликнул я. – Чудеса! Свет решительно начинает идти навыворот..